

Каталог выставки картин и рисунков Амиша Нюренберга (в ЦДЛ). Московский Союз советских художников, 1945

2 руб.

АМШЕЙ
НЮРЕНБЕРГ

МОСКВА

1945

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ
и Т-ВО МОСКОВСКИЙ ХУДОЖНИК

КАТАЛОГ
ВЫСТАВКИ КАРТИН
и РИСУНКОВ

А М Ш Е Я
Н Ю Р Е Н Б Е Р Г А

Москва 1945

Ответств. редактор В. Н. Перельман
А 24880. Педп. к печ. 27/ХI 1945 г. Зак. 1125. Тир. 500 экз.
1-я тип Транскелдориздата НКПС

этому так интересны и его литературные портреты художников.

А. М. Нюренберг как художественный критик всегда горячо отстаивал реалистическое изображение нашей действительности. Он был одним из учредителей «Общества новой живописи», а впоследствии активным участником АХР.

В биографии А. М. Нюренберга немало интересных страниц. Вот некоторые из них: статьи по искусству в «Парижском вестнике» (1911—1912 гг.), организация одесского «Общества независимых» (1915 г.), организация и руководство Изокомитетом и Главмузеем в Одессе (1919 г.), работа под руководством В. В. Маяковского в «Окнах Роста» (1920—1922 гг.), монография о Сезанне (1924 г.) и статьи в художественных отделах «Правды», «Известий» и других газет и журналов (1922—1927 гг.).

В 1927 г. за две работы, выставленные в парижском «Осеннем салоне», — «Нищий» и «Крымский пейзаж» — А. М. Нюренбергу присвоено звание члена этого салона. К этому периоду относится и его серия картин и рисунков, показывающих жизнь и быт дореволюционной еврейской бедноты. Особенно высокую оценку получили две его картины, выставленные на выставке

Многолетняя творческая деятельность А. М. Нюренберга — живописца, рисовальщика и художественного критика — заслуживает более подробного разбора. В этих немногих строках можно сказать лишь о самом существенном.

Амиш Маркович Нюренберг родился в Кировограде. Знания, полученные в Одесском художественном училище у художников Ладыженского и Костанди, он пополнил в Париже, где формирующее влияние на него оказали такие мастера, как Э. Манэ, Домье и Сезанн. Тогда-то зародилась его любовь к полновзвучным краскам и остролаконической линии. Последующее неустранное изучение мастеров русского импрессионизма укрепило в нём эти черты. А. М. Нюренберга не привлекали формалистские абстракции. Они несовместимы с его любовью к живой природе, с его жадным вниманием к людям, к их думам и чувствам, к их радостям и печалям. Поэтому так содержательны его холсты и рисунки, по-

РККА в 1938 г.: на одной («Счастливая юность») — новая радостная жизнь, завоёванная бойцами 1919 г., на другой («Прощанье») запечатлены бойцы этой героической эпохи.

В 1938—1940 гг. А. М. Нюренберг создаёт несколько серий цветных рисунков на историко-революционные темы: «Тов. Ленин в Париже», «Товарищи Сталин и Орджоникидзе на Кавказе», «Тов. Молотов в первые годы революционной работы». Большинство этих работ находится в Музее Революции. В эти же годы А. М. Нюренберг выполнил серию рисунков: «Маяковский — руководитель «Окон Роста».

Но самая блестящая страница биографии художника датирована годами Отечественной войны. Это страница, посвящённая жертвам фашизма. Серия рисунков (сепия, сангина и гуашь), помеченных 1941—1944 гг., — быть может, — лучшее из всего, созданного А. М. Нюренбергом. Знаток искусства увидит в них тонкость и гибкость приёмов, почувствует, что так ценно в искусстве, — человечность и теплоту. Он также поймёт, что внешнее качество этих работ проистекает из их идейной значимости. В фигурах изгнанников, узников и смертников столько затаённого невыразимого страдания, столько

благородного спокойствия, столько веками накопленной народной мудрости! Драма показана здесь не в аспекте безволия и покорности, эта серия рисунков звучит как властная песнь о нерушимом человеческом достоинстве. Это — утверждение нравственной силы, превозмогающей все гонения и испытания. При взгляде на этих стариков и старух вспоминаешь многих из их сынов и внуков, сражавшихся в рядах Красной армии за свою Советскую Родину.

А. РОММ

ных виднелись горбатые и кривые переулки родного городка, сейчас уже разрушенного немолимым шквалом войны.

«Вы из Копатковичи?» — спросил Шлойме художника, который, примостившись на узлах, набрасывал в альбом привокзальные сцены.

«Нет, из Москвы».

«Ну вот, и встретились, — сказал Шлойме, глубоко вздохнув. — Рисуете наше горе, страдания... Но разве может художник нарисовать это?»

И помолчав, добавил:

«Радость, я думаю, ещё можно передать, а горе и страдания—невозможно. Нет таких красок ещё»...

Вот под большим зонтом разместилась семья. Порывистый ветер гонит крупные капли дождя. Ребёнок испуганно прижимается к печально задумавшейся матери. Вот двое на носилках несут бородатого мужчину. Далее — группа спящих на станционной платформе. Теплушки и привал в лесу. Привокзальный осенний сад, заполненный пёстрым скарбом, между которым сидят и лежат изнурённые люди. Вот старый еврей с большой окладистой бородой, мудрым, испытующим взглядом смотрит на вас с деревянной койки станционной больницы...

Так возникает серия рисунков, посвящённых Великой Отечественной войне.

СТРАНИЧКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(1941—1942 г.)

Они шли на Восток... Полями, лесами, прошёлочными дорогами, пустынными улицами городов, от станции к станции. Томясь от голода, изнывая от жажды, тяжело ступая, таща на спинах скарб, который едва удалось с собой забрать. Они уходили всё дальше и дальше от родных мест. Иногда располагались на привале у самой насыпи железнодорожного пути и тогда вырастали небольшие пирамиды узлов с неизменным чайником на вершине. И люди, садясь вокруг, прижимаясь спинами к вещам, тоскливо глядели на проносившиеся перед ними серо-красные товарные вагоны. Затем снова поднимались и шли, шли... Куда... Так дни и ночи...

Тяжелели веки, ноги точно наливались свинцом. Люди дремали сидя, стоя, и в дремоте забывались, грезили, видя перед собой покосившиеся деревянные домишкы с подслеповатыми небольшими оконцами, сквозь стёкла которых

Они шли на Восток... Измученные бессонными ночами, не знавшие, где обретут своё пристанище. С ними был и художник, бытописатель еврейской массы. В левом кармане пиджака у него была записная книжка, в руках большой альбом. Это его мир, который он не раз изображал в своих рисунках, полотнах. Многие помнят его примечательную картину, изображающую празднество в местечке. Под деревом в тени сидят философствующие старики и клезмеры¹ — кларнетист, скрипач и барабанщик. Молодёжь танцует, веселится. Яркие, весенние краски природы созвучны радости людей.

Он умеет передать волнение человеческого сердца, изображая трогательное прощание еврея-красноармейца с семьёй. Его картины, рисунки выражают горе и радость своего народа, в котором он слышит отголосок личной судьбы.

Вот они герои Менделе Мойхера Сфорима, Шолом Алейхема, Бергельсона. Вы вглядываетесь в того самого мужчину с чайником в руке, который стоит перед краном, где надпись «кипяток», и узнаёте в нём местечкового Дон-Кихота, Вениамина Третьего. Рядом с ним стоит в рубище «Фишка Хромой», несколько поодаль спит, держа в руке чемоданчик и зонт, излюбленный герой Шолом Алейхема — Менахем

¹ Клезмер — музыкант.

Мендель, а рядом на скамье, трогательно кормя грудного младенца, плачет прекрасная Марьяма. В группе из трёх встречаете хозяйственного старика — бергельсоновского Волю Бренера.

* *

При мерцающем свете коптилки мы с Амшеем Нюренбергом просматриваем листы, кучу зарисовок и набросков, читаем записную книжку, заполненную им в пути. За окном неприветливая юго-восточная зима. Сырой ветер пробивается в комнату сквозь щели оконных рам.

«Ведь это целая поэма Исхода, листы скитаний», — говорю я ему.

«Иисканий, — добавляет художник.— Я ищу простых и ясных средств выражения и нахожу их только у классиков. Счастливые люди! Они хорошо знали тайну ремесла картины и рисунка и отлично владели ими. В основу своего искусства я стремлюсь ввести всё естественное и обыкновенное. Мотивы и материал для своих работ я ищу в обыкновенной жизни. В случайном жесте, незначительном движении, в чуть заметной радости, печали».

Художник с увлечением говорит о том влиянии, какое оказали на него портретные рисунки Гольбейна и жанровые композиции Рембрандта и наброски Дега. Об этом говорят разбросанные перед нами по всей небольшой комнате листы с изображением портретов и жанровых сцен.

10

Перед нами раскрывается тема о народе и его художнике, о сюжетах, мало используемых и напрасно пренебрегаемых. Мы вспоминаем замечательные карандашные этюды евреев Леонида Пастернака, картины значительного польского живописца Самуила Гиршенберга, проникнутые душевной трагедией художника, жанры витебского мастера Юрия Пэна, мастеров различных направлений, эпох, но созвучных в своём творчестве, изображающих историю и быт своего народа.

Мы много говорим о выдающихся мастерах русского искусства — евреях — Марке Антокольском и Исааке Левитане.

Я прощаюсь и покидаю маленькую комнату художника, живущего вдали от своей московской мастерской. Тусклый фонарь, покачивающийся у ворот, мигая, еле освещает узкий переулок, покрытый мокрым снегом. Ноги вязнут в грязи, попадают в арыки, покрытые тонким слоем льда. Я спешу на площадь к репродуктору, чтобы услышать «Последние известия». Тяжело, тоскливо! Я слушаю об ужасающих зверствах немецких фашистов, о жизни народа в гетто — этих адских застенках, где пытки и казни стали бытовым явлением. И передо мной возникают листы, только что виденные у художника. Я мысленно обращаюсь к нему. И мне кажется, что наша беседа ещё продолжается. Он, несомненно, включил радио и слушал то же, что и я.

11

На утро звонок. У порога художник: «Ночь не спал. Рисовал. Хотел бы показать».

Передо мной предстала одна из многочисленных трагедий народа в гитлеровском плена. Вот стоят они с лопатами в руках у своих будущих могил. Стоят, глядя куда-то вдаль, как бы молчаливо спрашивая жизни: «За что?...» Это был первый лист новой антифашистской серии художника, скорбевшего страданиями своих братьев, своего народа, с которым он всегда был вместе.

Лев Варшавский

КАТАЛОГ

1938 г.

1. Уход на фронт. Украина. Холст. Масло. Собств. ЦДКА
2. Счастливая юность. Украина. Холст. Масло. Собств. ЦДКА

1940 г.

3. И. В. Сталин среди горцев. Бумага. Сангина и уголь. Собств. Музея Революции
4. В. М. Молотов в Сокольниках. Бумага. Уголь и сангина. Собств. Музея Революции
5. Расстрел петэновцами французских коммунистов. Холст. Масло. Собств. Музея Революции
6. В. М. Молотов в таврическом дворце. Бумага. Сангина и уголь. Собств. Музея Революции
7. Портрет отца художника. Холст. Масло
8. Ерусалимка (Винница). Бумага. Сангина
9. Местечко Немирово. Бумага. Сангина

13

1941 г.

10. Одесский порт. Этюд. Картон. Масло
 11. Ботанический сад (Одесса). Этюд. Картон.
 Масло
 12. Оранжерея. (Одесса). Этюд. Картон. Масло
 13. Мостик. Этюд. Картон. Масло
 14. Старый еврей. Бумага. Сепия
 15. В часы бомбёжики. Бумага. Акварель
 16. В ожидании поезда. Бумага. Акварель
 17. В Одесском бомбоубежище. Бумага. Сангина
 и уголь
 18. В газоубежище. Бумага. Сангина и уголь
 19. Тревога (Одесса). Бумага. Сангина и уголь
 20. Увозят (из антифашистской серии). Бумага.
 Сангина и уголь
 21. Последний путь (из антифашистской серии).
 Бумага, сангина и уголь
 22. Горе. Украина. Эскиз фрески. Картон. Гуашь
 23. У огня. Украина. Картон. Гуашь
 24. Клятва. Украина. Бумага. Сангина.
 25. После бомбёжики. Украина. Бумага. Сангина.
 Уголь
 26. Осиротевшие (из антифашистской серии). Бу-
 мага. Сангина. Уголь.
 27. Завтрак. Бумага. Сангина
 28. Перед ужином. Бумага. Сангина
 29. В родном местечке. Бумага. Сангина и уголь
 30. Обед в степи. Бумага. Сангина
 31. Из путевых зарисовок (Пенза). Бумага. Сангина
 32. Неспокойный сон. Бумага. Акварель
 33. Ранняя осень (Ташкент). Холст. Масло. Собств.
 А. И. Введенского

14

1942 г.

31. Под цветущей яблоней. Холст. Масло
 35. На привокзальной площади. Холст. Масло
 36. Ранняя весна (Ташкент). Бумага. Уголь.
 Акварель
 37. Вдали от родного гнезда. Бумага. Акварель
 38. После бомбёжики. Бумага. Акварель
 39. Под зонтом. Бумага. Акварель
 40. В плена (из антифашистской серии). Бумага.
 Сепия
 41. На телеге (из антифашистской серии). Бумага.
 Сепия
 42. Старики. Бумага. Сангина
 43. Ташкентский пейзаж. Бумага. Перо
 44. Старые приятели. Бумага. Сангина
 45. Последние новости. Бумага. Сангина
 46. „Лирники“ (Украина). Бумага. Сангина и уголь
 47. Обречённые (из антифашистской серии). Бумага.
 Сангина. Уголь
 48. Старик. Бумага. Сангина
 49. Диспут. Бумага. Сангина

1943 г.

50. Выздоровление. Эскиз. Панно. Холст. Масло
 51. Пейзаж с фигурами. Холст. Масло
 52. Цветущий сад. Холст. Масло
 53. Цветущая яблоня. Холст. Масло
 54. Цветущая вишня. Холст. Масло
 55. Осень. Картон. Масло
 56. Больной. Бумага. Сепия
 57. Одиночка. Бумага. Сангина

15

58. Гармонист (Украина). Бумага. Сангина
 59. В плена (из антифашистской серии). Бумага.
 Сангина
 60. Ленин у стены коммунаров. Картон. Пастель
 61. Ленин в парижском кафе. Бумага. Сангина и
 уголь
 62. Отдыхающие. Бумага. Сангина и уголь

1944 г.

63. Женщина с ребёнком. Бумага. Пастельные
 карандаши
 64. В клубе. Картон. Пастель
 65. Слушают музыку. Картон. Пастель
 66. „Любители“ живописи. Картон. Пастель
 67. У больного. Картон. Пастель
 68. Вести с фронта. Бумага. Сепия
 69. Дед и внучка. Бумага. Сепия
 70. Юный скрипач. Бумага. Сангина
 71. Дворцовая набережная (Ленинград). Бумага.
 Сангина и сепия